

НА ПУТИ В ГРИНЛАНДИЮ

А. С. ГРИН. Севастополь. 1923 г.

ОДНОЕ время у меня на книжной полке стоял миниатюрный портрет А. С. Грина, копия с известного рисунка В. Козлинского. Портрет был изготовлен «гринянами» из Львова, членами одного из школьных гриновских клубов, число которых к началу 60-х годов достигало двух десятков и с тех пор продолжает расти под сенью «Алого паруса» — ежемесячной странички романтиков в «Комсомольской правде». Недавно я подарил этот портрет юной англичанке, стажерке МГУ Кристин Томас, которая пишет о творчестве А. С. Грина диссертацию и собирает защищать ее у себя на родине. В этом году в МГУ, кроме Кристин Томас, работали над гриновской темой еще трое аспирантов: англичанка, американец и француз. В Советском Союзе две диссертации о Грине, в Мо-

скове и в Баку, уже защищены. Над прозой А. С. Грина работают ученые в Горьком, Кирове, Тбилиси, Воронеже, Днепрпетровске, Иркутске, Омске, Душанбе... И если в первом издании академической «Истории русской советской литературы», вышедшем в пятидесятых годах, имя Грина упоминалось лишь вскользь в связи с именами других писателей, то в следующем издании, которое ныне завершается, он удостоен литературного портрета.

Вся эта работа по изучению творчества А. С. Грина и его места в литературном процессе развернулась в основном на протяжении последних пяти лет, после выхода в свет шеститомного собрания сочинений писателя, выпущенного в 1965 году издательством «Правда». Там впервые широко представлена новеллистика А. С. Грина, разбросанная по десяткам газет, журналов, сборников и альманахов 10—20-х годов. И перед нами

вырос прозаик, не уступающий в привычке рамки писателя для юношества, возникло литературное явление куда более значительное.

Помысленный шеститомник, изданный тиражом в 463 000 экземпляров, был сразу же распродан и послужил толчком к изданию целой серии сборников (также сразу исчезающих с книжных прилавков): «Фанданго» (Симферополь, 1966), «Джесси и Моргиана» (Ленинград, 1966), «Белый шар» (М., 1966), где напечатано и кое-что, не вошедшее в оговорокское издание. Это «кое-что» — два романа — «Джесси и Моргиана», «Сокровище Африканских гор» и еще несколько десятков рассказов. Поток все новых и новых публикаций не иссякает и по сей день.

И все гриновское расходуется нарастающе. Домик А. С. Грина в Старом Крыму и открывшийся в Феодосии литературный музей А. С. Грина — ме-

ста паломничества десятков тысяч читателей. Этот читательский энтузиазм показывает, кроме всего прочего, что проза А. С. Грина ни капельки не устарела. Гуманизм его, живой, энергичный, активный, выраженный в столь современных формах, что книги его не залеживаются в книжных шкафах, а зачитываются до дыр, стремительно проникают в мировую литературу, на стол соседствующих читателей и друзей стран...

В конце одного из рассказов начала 20-х годов у А. С. Грина есть величественная сентенция, выраженная как нелюбимое краткое: «чудеса — в нас». Это — его жизненное кредо, столь драгоценное для читателей всех возрастов и всех времен. Но это и творческое кредо автора «Заколоченного дома» (так называется цитруемый рассказ). За приведенной фразой следует: «Не тронули меня солнечный свет в млочные оттенки? И выюнок на старой палубе? И птица — среди вещей? Наконец, эта рукопись, которую он протянул мне с гордой улыбкой, рожденная там, где боится дышать? Вот оно — «совершенство формы», о котором пи-

сали А. Фадеев и Ю. Либединский в 1933 году, предлагая посмертно издать сочинения А. С. Грина.

Но если писатель так хорош и так нужен, его следует издавать. Между тем еще и сегодня, после всех названных публикаций, собрано и дано читателю далеко не все интересное из написанного А. С. Грином. Давно уже пора издать собрание сочинений вдове больше по объему, чем шеститомник, вышедший в 1965 году. Достаточно сказать, что за последние годы увидели свет около двухсот рассказов писателя, а их свыше трехсот шестидесяти!

Вот и сегодня «Литературная Россия» печатает один из самых ранних рассказов А. С. Грина, затерянных в журналах начала века. Перед нами модель классического гриновского рассказа. И только действие происходит в тумане — очертавшие Гринландию неясны еще и самому автору. Впрочем, скоро, очень скоро корабль придет в порт. Гавань не названа. Но мы, читатели Грина, знаем, что это Покет, Лисс или Зурбаан. «Придем через час»...

В.А. РОССЕЛЬС

— Отвратительная погода. Пронлятый туман!
— Утром его не будет.
— Как так?
— Я не доверяю барометру. Но вчера был зной-вест. За этим ветром туман держится слабо.
— Дай бог.
— Вот в Ла-Манше...
— Что вы сказали, капитан?
— Я говорю: в Ла-Манше, восемь лет назад, был туман гораздо плотнее. Это было 14-го западного марта.
— А!
— Я плавал тогда на «Айшере» и еще не собрался жениться. Помню, один случай...
— А!
— У вас дурное расположение духа.
— Да, пожалуй. Скверно дышать этой мозглятиной; у меня, к тому же, слабая грудь.

— Да? Так вот... был случай. Мы потопили рыбацье судно. Как они кричали, боже мой! Двоих успели вытащить. Капитан помолчал и добавил:
— И тогда же дал команду остаться холостяком. Неприятно подвергать семейство постоянному риску.
— Котати, — как ваша супруга?
— Мерси. Уже поправилась, начинает ходить.

В резком и хриплом голосе моряка дрогнула веселая нотка. Так приятно иногда не сдерживать клятву. Он чиркнул спичкой, закурил пахучую от сырости папиросу, и несколько секунд круг желтого света обнажал козырек фуражки, суровое немолодое лицо, высокий лоб и равнодушные, прищуренные глаза.

Спичка потухла. Красный уголек папиросы, изредка разгораясь в темноте, скупо озарял кончик загорелого носа, усы, твердый рот и маленький подбородок. С минуту оба молчали, тштно, до боли в голове, напрягая зрение. Глухой мрак давил их, унылый и скучный, как нежданный. Волнистая седина тумана, колыхаясь, таила в черноте и казалось, что это беззвучные стада таинственных бе-

лых птиц, или облака, плывущие над водой.

С кормы летела неустанный воркотня винта. Тяжелый стальной вал, скрытый в глубине судна, при каждом ударе поршней, плавно бегавших в огромных цилиндрах, передавал свое согрешение корпусу парохода, дрожавшему тяжело и напряженно от килля до кильцов. Вперед, за желтыми, слепыми кругами матчевых фонарей шумела раскисшая вода, и ее струющийся плеск полз вдоль бортов, однообразный и слабый. Тонко звенел каменный колокол редуктора, замораживая ударами, предупреждая и спрашивая. Пароход шел тихо, но во мрак казалось, что он быстро летит вперед по огромной пустыне моря, к его жуткому и таинственному окончанию, к какой-то печальной и страшной бедне.

Внизу, на палубе, разговаривали тихими, горганными голосами, дребезжащая зурна. То были пассажиры, преимущественно мингрельцы и осетины, худые, как удильные собаки, в оборданных чересках и серебряных поясах. Вверху, на грот-мачте, жалобно скрипел гафель. В легкие проливал туман, удрученный от пароходного дыма, растворявшегося в сырости. Капитан сказал:

— Я хочу немного уснуть. Вам остается, кажется еще три часа.

— Да.
— Спокойной вахты!
Старший помощник предпочел бы услышать «спокойной ночи». Он глубже зарылся в воронник пальто и сказал:
— И вам того же.

— На лаге восемьдесят. Придем через час.

— Да. Ну, как, вы взяли кормилицу?
— Нет. А что?

— Говорят, это лучше. У наших, родных женщин жирное молоко.

Капитан подумал немного, что бы сказать своему коллеге, страстному семьянину и знатоку детского воспитания, и махнул рукой, говоря:
— Я в этом ничего не понимаю. Можете кормилицу, можно и соску.

Возражения не последовало. Капитан подошел к рубке, ярко освещенной электричеством, и заглянул в компас. Рудевой, не отрываясь, напряженно следил за нервными колебаниями большой синей стрелки:

— Четверть румба направо! — сказал капитан.

— Есты! — крикнул матрос, поворачивая штурвал.

Слабая человеческая рука небольшим усилием мускулов двигала влево и вправо огромную железную махину, набитую десятками тысяч пудов груза. Капитан прошел к трану, спустился на палубу и сонно вздохнул, направляясь к себе.

рассказ

КАПИТАН

из неопубликованного и забытого

Кофе слегка остыл, но капитан выпил его с наслаждением, согрелся, зажмурил глаза и замурылкал скверный роман, засевший в голову лет пятнадцать назад, вместе с глазами десятифранковой нядды из Сингапура. Там были пальмы, ром невероятной крепости, чугунные кулаки приятелей и независимость краснокожего двадцатилетнего парня, поклявшегося чертами и ангелами, что он будет капитаном. Насчет жены клятва никаких не было, но явилась и она, о чем немало жалела добрая дюжина охрипших глоток, великая несчастного «разбитым пращом» и «спортивным пробочником». Он не сердился, но чувствовал за своей суровой улыбкой другую, рожденную для одной в мире и навсегда.

Электрическая розетка продолжала наблюдать сквозь голубой дым сигары, закуренной в промешку между воспоминанием и умлением. Волосатая рука шмыгнула через стол к маленькому портрету, заревет бледочком. Капитан рассматривал фотографию. Фотографы бессильны передавать цвет глаз, и это им сильно вредит, хотя помешанные на любви и женщине щедрты, как заклятые принцы. Наедине с собой можно быть смешным, никто не расскажет.

Поэтому капитан не ограничился долгим и нежным взглядом по адресу портрета, он поцеловал его прямо в затрепанное стекло и долго не мог прогнать улыбку с обветренных губ. Дюжина охрипших глоток, рассеянная по земному шару, никогда не видела ничего подобного даже во сне. Они, впрочем, еще молоды и бешены, время придет.

За кормой глухо ворчал винт, отталкивая вперед судно и каюту с капитаном, понурившим голову при мысли о четырнадцати вечностях — четырнадцати днях разлуки. Это не в первый раз и не в последний; но там, в городе, в большой, роскошной квартире, пришел еще один, маленький, сердитый и красный, не дающий, вероятно, спать по ночам человек с голубыми глазами. С тех пор, как она вывихнула палец в июле прошлого года — большего беспокойства не было.

Цейлонский жемчуг, шанхайские и сингапурские раковины, марокканские вешицы из слоеновой кости, японские кораллы и греческие губки, японские шапудки и суданские бурнусы, зонтики и зубочистки, пуговицы и чай, платки и ковры, яхты из ореховой скорлупы и медные негрятские браслеты, словом — все, что продается в бухтах, заливах и проливах, на мысах и перешейках — все это куплено и привезено. Настоящий магазин редкостей, но жене его не легче от этого. Маленькое, дорогое чудовище, рвущее день и ночь, — это она, хотела тебя! Крикливый, негодный, чего доброго, вздумает захоронать. Прежде чем вернуться туда, нужно расширять в десятке портов миллион всякой дряни в мешках и ящиках, ругаться до хрипоты, шлепать в тумане и четырнадцать раз, день в день, нырять в вечности.

Сознать это было донельзя горько, и стекло у портрета хрустнуло еще раз, прежде чем успокоилось на столе, между бронзовой собакой и яшмовой чернильницей. Капитан направился в каюткомпании и, отворив дверь пароходного клуба, машинально улыбнулся бесшабашной физиономии штурмана, возлежащего за столом с лотками у чайного подноса и папиросой в зубах. Юноша

вместе с младшим помощником лениво смеялся над Новой Суходоной Компанией, пускающей третей пароход с экипажем из двоюродных и маркеров. — А ваш койн, господа, еще не сокупились? — спросил капитан. — Я думаю, что клеветать носом на вахте будет скучно и неудобно, а?

Штурман посмотрел на помощника, помощник — на потолок, потом на пол, и оба принялись усиленно хохотать, краснея и енясь. Капитан сел и зевнул.

— Ну-с? — сказал он. — Я ничего не понимаю. Вы делаете друг другу какие-то масонские знаки... Кто остался в дураках, и почему?

— Да вот видите ли... — начал штурман, — тут... — Тут... — перебил младший помощник.

— Поразительная женщина! — Подозрительная женщина. — Ага! — сказал капитан. — Так. — Вот... Так мы и того... капитан. А он говорит мне, что она — того... понимаете?

— Нет. Штурман крикнул и сказал с равнодушным опытного развратника. — Проститутка. Но, позволите! У меня человеческие глаза, и я вижу... — Разумеется. — Что она совсем не то, а даже — напротив... — Горничная! — хихикнул помощник.

Штурман поборговел и выпрямился. — Если вас, Кирпичов, приводит в потешное расположение духа женщина, с которой вы говорили иначе, и... и... которой коробку конфет, то... — Ну, что же, — сказал капитан, открывая слипающиеся глаза, — что же новая компания?

Штурман перевел дух и обменялся с помощником многообещающим взглядом.

— Они устроили настоящий митинг, — жалобно начал он, недовольный прерыванием спора. — Какая-то личность влезла на бочку и кричала условия и сколько вакансий... Ну, понимаете, дело было окончено быстро: взяли двух солеваторов, трех наборщиков и одного нока, остальные, может быть, и матросы, только их никто не видал.

— По десять рублей, — вставил помощник. — На днях отправляются в Англию за пароходом и, если их по до-

— К чему эти ваши выпады? — припустил помощник. — Идеализатор горничных! А знаете, — обратился он к капитану, — ведь в Китае лучший чай двенадцать копеек фунт. Все поштина.

Задумались три папиросы. Краснощекий штурман и типичнодобный помощник медленно боролись, во славу горничной, с одолевшим их немом. Капитан начался на соломенном стуле и вздыхал. Четвертое лицо проснулось в дверь, увлекая за собой тонкое, череобразное тело в матросской форме. — Ну-с? — сказал капитан, удивленно рассматривая Брылова, пароходного ученика. — Что случилось?

— Господи капитан, — сказал Брылов, — тут вас женщина сирацивала, пассажирка.

Мгновенное любопытство подбодрило штурмана и помощника. Но капитан вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

— Ну? — Ей-богу! жаловаться побегла. Я, грнт, капитану на вас, чертей, пожалуюсь, что проходу не даете...

— Вот леший! — сказал первый матрос. — Я к ей и так, и этак — тпру!

— Вот тебе и «тпру», — ответил второй. — Влетит тебе! И ты злости в этом капитане, что жесточества, боже ты мой! Прямо ест. Чтоб его dedu на том свете черти...

— Идет!.. Ах ты...

Капитан медленно опускался в кубрик по ступеням крутого, скользкого трапа. Наконец, нога его коснулась пола и страшный поток ругани, сопровождаемый сверканьем глаз и топаньем ног, грянул в воздухе.

— Бир-р-ни! — заревел капитан. — Мерзавец! Олух! Ска-а-ина! Шапни на пароходе устранять?! Да я тебе голову разобью!.. Бездельник, морское чувство, сто тысяч леших тебе в глотку, пар-рши-вец!.. Мне жалуются на тебя, негодий! Так-то ты дерешься вахту, чьотого бабник?! За кабаким бабенин, скотина?! Моб-р-ни! Бесстыжая харя! Кто в море крестился, тот от юбок не край себя бегит! К расчету в Одессе собачьего сынал.. У-у?! Разраку на месте!.. В воду спущу!

Матрос, бледный, как бумага, растерянно пятился назад, держа руки перед лицом и жалобно хныкая:

— Господи капитан! Господи капитан!.. Ей-богу!

Капитан перевел дух, подумал немного, поборговел и новый лексикон, приправленный самыми свирепыми обещаниями и угрозами, повис в воздухе. Он ругался, отводя душу, и вдохновенная брань его сплывала, как палочные удары, на голову Биркина. Наконец, усталость взола свое, капитан бросил последний, уничтожающий взгляд и вышел на палубу.

Через полчаса, чувствуя потребность разговаривать, он писал жене длинное, подробное письмо, улыбаясь самому себе тихими, рассеянными глазами:

«...любя, ненаглядная кошечка и твои маленькие ручки целую. Когда приеду, — привезу тебе ящик рахат-лукма, а ты дай мне свои белые ножки и каждый пальчик на них поцелую. Ты спи, а я тебя перекрещу. Обнимаю тебя, милая, скоро увидимся.»

Твоей Вовочка. Окончив письмо, «Вовочка» тяжело вздохнул и раскрыл судовой журнал. [1908 г.] Рисунок А. ГОЛЦИЦЫНА

страницы воспоминаний

Напечатанные за последнее время воспоминания об А. С. Грине могут составить солидный сборник, и таковой сборник уже подготовлен в Ленинграде неумолимым собирателем всего гриновского В. Сандлером. Но есть — пока в рукописи — и целая межутональная книга об авторе «Алого паруса». Это «Записки об А. С. Грине» вдовы писателя Нины Николаевны Грин.

Н. Н. ГРИН

ЗАПИСКИ

ОБ

А. С. ГРИНЕ

КОГДА я просила А. С. записать какие-либо интересные мысли из разговоров наших двоим, записать биографические данные, он отвечал мне: «Нет, Ниноша. Для меня нет ничего неприятнее автобиографических записей, это для меня равносильно сниманию послед-

ней рубашки и продаже ее. Единственное, что я буду описывать с удовольствием, это время, проведенное с Куприным. Люблю этого писателя и человека во всех его проявлениях. Что же касается интересных мыслей, то все они в моих книгах, вся моя жизнь, чаяния, надежда и любовь — все в них. Пусть тата потомки и ищут ответа».

Александр Степанович не любил рассказывать о себе посторонним да и близким рассказывал без большой охоты. И сам — не распространялся. На — правда, редкие — просьбы редакций журналов дать автобиографический материал он суровато отвечал: «Моя биография — в моих книгах». Иногда мне это казалось смелым, и я говорила ему о своем впечатлении.

Он отвечал мне, что для него это не смеяться, пишущий не для сегодняшнего дня, не для карьеры, а для души, по существу, является всеми героями положительных и отрицательными своих произведений, ибо для того, чтобы изобразить тот или иной персонаж, нужно настолько слиться с ним, чтобы он явил-

ся как бы действительной частью его существа. «Внешние наблюдения над разными людьми и случаями, — говорил он, — только помогают мне сконцентрировать и оформить впечатление от самого себя, увидеть разные стороны своей души, разные и возможности. Я и Гарвей, и Гез, и Эзборн — все совместно. И со стороны на себя смотрю, и вглубь и ширь. Только на самом себе я познаю мир человеческих чувств. И, чем шире в писателе способность проникать в себя, в сущность других людей, тем он талантливее и разнообразнее. Он как бы всевоплощающийся актер. Мне лично довольно познать себя и женщину — любимую и любящую меня. Через них я вижу свой мир, темный и светлый, свои желания и действительность. И, какова бы она ни была, она вся выразилась в образах, мною созданных. Оттого я и говорю смело: в моих книгах — моя биография. Надо лишь уметь их прочесть».

И он был прав, Александр Степанович. В старости я читала его книги только так — встречаясь и разговаривая с ним. Его сюжеты, его герои

для меня неотделимы от его образа. Вот отчего душевно я не расстаюсь с ним, а как бы поговорю и, светло погрузится, успокаиваюсь. «Бегущая по волнам», один из самых автобиографических романов А. С., — это рассказ, в поэтических словах изображающий искания и находки А. С. Вступлению в «Несбытываемся», — не личное ли звучит в нем?

Ребенком, прочтя «Молли и Молли» — Кота-Мурышки (Вагнера), затосковал А. С. о той любви, жажда которой потом всю жизнь сопровождала его. Вот как рассказывал он мне об этом: «Я не знал, что со мною стало, когда я прочел эту сказку, я не понимал тогда ни слова «любовь», ни всего сопровождающего это слово, но детская душа моя затолмилась, и теперь, переведа эта на язык взрослого, я как бы сказал себе: «Кому такого дела себя!» Это был первый ступень в душе моих мужских чувств. Потом я узнал о Коте-Мурышке, об этом человеке с пестрой душой, как завшем во время мне, ребенку, верное поэтическое слово. Это был первый цветок в венке событий, о кото-

рых я тогда не знал. Было мне лет восемь. Это было, как слова Эглы для маленькой Ассоль. Я рос, жизнь была, трапала и мучила меня, а образ Молли не умирает и все рос в моей душе, в моем понимании счастья».

Летом в Токсове А. С. неоднократно начинал первый в своей жизни роман — «Алголь» — звезда двойная. Но он ему не давался. Тогда он мне еще ничего не читал, а сидел курил — думал — писал. Иногда говорил мне: «Не удается сюжет, опять все написанное выбросил». Ему нравилась легенда об этой красивой звезде и ее неизменном спутнике. Основано в Петрограде А. С. как-то спросил меня назвать ему небольшие длинные листки бумаги и сказал, что он хочет на них все записывать, что ему придет в голову относительно нового романа. Эти листки я должна собирать и хранить, а он посмотрит, что из этого выйдет. Раньше он так не делал, почти все дер-

жал только в голову, но понял, что роман в голове не удержишь. Я чувствовала себя ученицей, которая должна что-то сделать за котличком, — складывала листки в сделанную для них папочку. Должно быть, в ноябре 1921 г. А. С. как-то мне говорит: «Знаешь, Ниноша, «Алголь» мой умер, но наклеивается у меня новый сюжет. Если хватит сил и умения, знатно должно получиться».

Два дня А. С. лежал в постели. Очередной фурункул вскочил на самом неподходящем месте, и А. С. не мог ни ходить, ни сидеть. Лежа, он усердно писал, забрав от меня все четвертушки. Я бесшумно двигалась, хозяйничая и ничего у него не спрашивая, вообще не разговаривая. Пришел не помню кто; кто-то из литературных знакомых. Спрашивая, почему А. С. лежит, kitchen разглагольствала, отвечает А. С. «А что такое пишеть? Интересно. Может быть, почтаете?» Не любил А. С. таких вопросов и марновато ответил: «Э, пустяки, так, от нечего делать бумагу марую». И замолчал, стал неразговорчив. Гость поспел, поспел и ушел. «Не люблю этого пустого за-

лезанья в чужую душу. Слово писателя — магазинная витрина — пьля все наружу. А тоже сам писатель!» Я же ни о чем его не спрашивала, решила про себя, что, как бы ни было мне интересно, буду ждать, когда А. С. сам мне что-либо скажет. Так и случилось. Еще несколько дней прошло и А. С. раз вечером, сидя около буржуйки, говорит мне: «Хочется, Котофей, тебе послушать, что я написал за эти дни? А не хочешь, — говори прямо. Натяжек у нас не должно быть. Но вижу, плут, что хочешь. Слушай внимательно и учись. Я тебя, как на уроке, буду спрашивать».

И он прочел мне впервые начало «Блистающего мира». Остатком «Алголя» была «Двойная Звезда». Названа «Блистающий мир» А. С. дал роману сразу. Чтение взволновало меня безмерно. Казалось таинственным и чудесным, что эти красивые слова, это чудесное действие родились здесь, рядом со мной, от этого человека мне близкого, родного, любимого и неизвестного. Да замужества я с детства читала очень много, но безалаберно. О прочитан-

ном ни с кем не говорила, так как была очень застенчива, а благодаря частым переездам родителей, постоянному поддргу, с которыми говорится о многом и в глубину, не имела. Поэтому к моменту близости с А. С. я представляла из себя читательский винегрет, интересуваясь всем. Но в тайниках души больше всего любила сказку о крошечном ручье, лепестке от розы. Любила и слышалась «Блистающий мир» и восторг, от того, что А. С. доверия, открывал мне свое таинственное, я почувствовала нежность, благодарность и беспомощность, испытываемые от той сказки. Это было мое крещение в жены писателя. После того у нас начались вечера чтений написанного А. С. Однажды А. С. дал мне задачу — придумать для героини «Блистающего мира» имя легкое, изящное и простое. Два дня я была сама не своя. Сотни имен вереницей проходили (Окончание на 22-й стр.)